

Дмитрий ЛАГУТИН

ОБЕД

Рассказ

Хорошо обедать в офисе!

Не тратить время на дорогу, не торопиться, не тыкаться по парковке в поисках места, не просить Виталика отодвинуть свою Ниву, перегородившую выезд.

А уж в такие дни, как этот – когда льет и льет с самого утра как из ведра! Тук-тук-тук по карнизам, тук-тук-тук, и слышно даже, как шумит под водосточной трубой, спускающейся прямо к парковке, к Виталиковой «Ниве».

А уж в такие обеды как этот – когда все из офиса р-раз и сорвались, уехали, разбежались кто куда: кто домой, кто в быстро, кто в кофейню на том конце улицы, кто... Да мало ли куда? Гитарыч вот походил утром из угла в угол, поворчал, отчитал отдел на правах начальника, меня вообще уволить пообещал – уволит, как же, раз в две недели стабильно обещает, а потом фыркает со смеху, по плечу хлопает – взял в бухгалтерии пачку документов, печатать и укатил на объект.

Последним из офиса уходил безопасник: возился долго, оглядывался – где все? – звенел ключами, на меня посматривал с подозрением, точно спросить хотел:

– А ты чего это не уходишь?

А за окнами все тук-тук-тук, кап-кап-кап, бьет, сечет по густым кронам, заносит в приоткрытое бухгалтерией окно – и веет от этого окна тоненько-тоненько, сладко-сладко июльским дождем, проливным, на несколько дней, душистой прохладой, травой, листвой, мокрой и жирной землей с газонов; но веет совсем слегка, не разбавляя теплый и густой офисный воздух.

Посматривает безопасник, а я знай сиюж носом в монитор – до рези в глазах – и по поручению Гитарыча печь новую в цех выбираю.

– Я задержусь, – предупредил безопасник и позвенел связкой ключей. – Ключей надо надевать, все дубликаты разлетелись. Ты скажи, если что.

– Скажу.

А сам не верю своему счастью – уйдет, вот-вот уйдет, и останусь я один-одинешенек!

Побренчал еще ключами, повздыхал на окно, спросил, нет ли у меня зонта – нет – и ушел, громыхнул дверью.

И как только затихли, обогнули офис по коридору, растворились где-то у лестницы его шаги, я выдернул наушники из системного блока – музыка хлынула в колонки – сделал громче, выпрыгнул из кресла и протанцевал в сторону кухни.

Хорошо обедать под музыку!

На полпути я выбросил руку в сторону и погасил надоедливые офисные лампы – и так светло, от окон. Потолок погас – и гудеть перестал – а окна, наоборот, озарились: тугая, плотная зелень листвы, и в прорехах – бледно-серое, белое почти небо.

Дмитрий Лагутин родился в 1990 году в Брянске. Окончил юридический факультет Брянского госуниверситета. Победитель международного конкурса «Всемирный Пушкин» в номинации «Проза» (2017 и 2018 гг.), лауреат национальной премии «Русские рифмы» и др. Публиковался в журналах «Новый берег», «Нева», «Урал», «Знамя» и др. В «Волге» публиковалась проза (с 2018 года).

Нырнул в кухню – кухню? кухоньку! коробок в коробке, пять шагов на четыре, и ни одного окошка – протанцевал, прислушиваясь к музыке, от холодильника к микроволновке, погрел привезенный утром обед. Пока грел, обыскал хлебницу – все подъела бухгалтерия, ни одного печенькица не оставила, а вчера еще вон какой пакет был! – поскреб ногтем магнетик на холодильнике: красный мостик «Сан-Франциско», привезенный, да, прямо оттуда исполнительным директором.

Поел, глядя в телефон, слушая, как в офисе одна песня другую сменяет, бросил посуду в раковину – потом помою, в конце дня – подождет, пока закипит чайник. Две ложки – кофе, две – сахар, пластиковый наперсточек сливок – и на все сверху кипятка-а, да так, чтобы колыхнешь чуть кружку, и польется на пол, на руки, на джинсы...

Хорошо обедать одному в офисе! Поел быстренько, кофе заварил – и сиди себе в кресле, играй во что-нибудь, на рабочем-то компьютере. Или профили однокурсников-однокурсниц изучай – кто где? – и пиши даже: давно не виделись, полтора года с выпуска, посидеть бы где-нибудь, по бокальчику пропустить. Или фильм смотри.

Сегодня я был настроен именно что посмотреть фильм – я его даже заранее нашел, когда увидел, что безопасник ключами звенит.

Сиди себе, пей кофе и смотри – вон еще сколько времени. А потом набегут, зашумят, застучат клавиатурами – и ты стучи себе, шуми, делай важный вид, а тихий – тихий? музыка вон как гремит! – обед с фильмом останется в памяти и будет в ней приятно так лежать, греть – и до конца рабочего дня поможет не взвыть и не затосковать.

«Маленькие офисные радости», – так это называет системный администратор.

«Маленькие офисные гадости», – ответил бы Гитарыч, если бы услышал – и зафыркал бы от смеха.

Уселся я, ногу за ногу закинул, развалился в кресле – дотянулся и стукнул по клавиатуре, запустил фильм. Потом снова дотянулся и снял со стола пышущую горьким паром кружку, поднес аккуратно к губам, отпил, обжигаясь.

И пока плавали по экрану титры, пока называли всех этих актеров, композиторов и сценаристов, операторов и мастеров монтажа, я смотрел на окна, на то, как за ними колыхнется, танцует под потоками воды листва, как качаются, цепляясь друг за друга, ветви, как светит сквозь них песчовое какое-то, серебряное небо.

И потом, пока менялись на экране крупные и средние планы, пока расхаживали туда-сюда актеры и говорили, смеялись, дрались даже, я все поглядывал, потягивая кофе, на листву – фильму меня увлечь не удавалось.

А как только стало удаваться, как только сел я ровно на краешек кресла и даже кофе отставил – в ту же секунду дверная ручка дернулась раз-другой безрезультатно, а потом в дверь постучали.

И позвонили даже для верности – постучав.

Восторг мой – обеденный – как рукой смело, еще не успел звонок затихнуть.

Потом я, правда, пока шел к двери, себя успокаивал – почта там какая-нибудь или ошиблись, спросят и уйдут, у своих же всех ключи – но восторг тайлся и возвращаться раньше времени не спешил.

А за окнами – за спиной моей – все тук-тук-тук, упруго, резиново, а фильм молчит, на паузе оставленный, актер с открытым ртом замер, как статуя.

Выдохнул я, щелкнул замком, приоткрыл дверь настороженно – и увидел за порогом этого бедолагу, Седова, с мокрыми от дождя волосами, шмыгающего носом.

– Здравствуйте... – проговорил Седов и заглянул через мое плечо в сумрачный, с погасшим потолком офис. – А...

– Так обед же, – ответил я. – Нет никого.

Седов оглянулся на часы в конце коридора и повторил не то растерянно, не то задумчиво:

– Обед... А я рассчитаться пришел, мне сегодня в любое время сказали...

Я знал, что его увольняют – столько людей в цеху не нужно больше, даром, что ли, новые станки завозим? – и, признаться, был за него рад.

– До двух никого не будет.

– Не будет... – повторил Седов. – Ну что же делать, я тогда подожду, хорошо?

– Заходите, конечно... – протянул я и открыл дверь шире, отступил в сторону.

Плакал мой обеденный восторг – теперь сиди под присмотром Седова.

Седов шагнул через порог, огляделся, пригладил мокрые волосы, поправил сумку, болтающуюся на плече.

– Я бы погулял пока, – выдавил смешок он, – но погода, сами видите...

– Погода, да, – кивнул я неопределенно. – Вот, садитесь сюда, например.

И я показал на гостевой диванчик – между стойкой секретаря и столом безопасника.

Седов поблагодарил, уселся, скинув с плеча сумку, уложив ее на колени – потом спохватился и привстал, протянул мне руку.

– Руслан.

Я знал, что он Руслан – но вживую мы виделись впервые. Я назвал свое имя, сжал холодную тонкую кисть и вернулся к своему столу.

– У меня тут работа, извините, – соврал я.

Седов закивал понимающе.

Я размотал провод, пустил звук в наушники и заткнул ими уши.

И включил фильм – актер закрыл рот, закончив реплику, начало которой я забыл; пришлось листать назад и переслушивать.

И пока я смотрел фильм, я нет-нет а поглядывал на Седова – а Седов сидел на диванчике, положив руки на сумку, приглаживал волосы и оглядывался: рассматривал заинтересованно офис.

Не был он тут, что ли? А где принимали?

Седов пришел ненамного, но все-таки раньше меня – когда устроился я, он уже работал в цеху, но услышал я о нем месяц или два назад, когда завертелась эта кутерьма с камерами.

В цеху камеры смотрели изо всех углов с начала времен – и безопасник с помощником по мере необходимости проверяли их записи – а вот над входной дверью, с улицы, над крыльцом, повесили только-только, после того как шпана эту самую дверь зарисовала из баллончиков.

Вот тогда-то Седова и заприметили – безопасник сперва смотрел, прищурившись, потом помощника позвал, потом Гитарыча, а уж Гитарыч весь отдел согнал и поднял такой гогот, что офис задрожал.

Оказалось, что Седов, если оставался в цеху последним – по графику – и вынужден был закрывать дверь на все замки, потом еще по десять раз возвращался и перепроверял: закрыл ли? Закроет, отойдет, а потом возвращается – и давай дергать ручку. Подергает, стоит – и отходит. А потом бац – и опять возвращается. И так по десять раз – натурально. Бывало, даже откроешь все замки ключами, и закрывает по новой – но и тогда все-таки вернется и подергает.

– За станки парень боится! – гоготал Гитарыч. – Что сопрут, а на него повесят!

И весь отдел за ним гогочет.

Я сперва тоже гоготал, за компанию – без году неделя в коллективе, попробуй не погогоди – а потом перестал. Я вспомнил, что в классе нашем год или два – седьмой и восьмой, по-моему, – учился мальчуган, который также чудил: только не с замками, а с мытьем рук. Что ни перемена – бежит руки мыть. Помоешь, возьмется за что-нибудь – и обратно, в туалет. Тут уж и Гитарыча не надо было никакого – вся параллель смеялась, во главе с уборщицей: она как ни зайдет воду в ведро набрать, а он все там, у умывальника топчетя.

Перевелся мальчуган, конечно, не из-за насмешек – переехали они вроде, всей семьей, – а вот я, надо же, про него напрочь забыл и вспомнил впервые за все эти годы, только когда стали все гоготать над Седовым.

– Это расстройство какое-то... – нерешительно предположил я, обращаясь к безопаснику. – У нас в классе пацан учился, тоже вот так...

– Да какое расстройство! – гремел Гитарыч. – Забубённый просто! Тощий вон, как спичка – а занимался бы физическим трудом, так и дурь бы вся из головы вылетела!

– Это вот точно, – отзывались из бухгалтерии. – Ему бы корову, а лучше две – не до дверей будет.

Как-то очень быстро о злключениях Седова узнал весь офис – всем было интересно, все подходили и заглядывали в монитор через плечи уже собравшимся. Кто-то качал головой и отходил, кто-то крутил у виска пальцем, кто-то оставался и вливался в компанию гогочущих.

Я отвлекся от фильма и увидел, что Седов что-то говорит – пришлось вынимать наушник, ставить фильм на паузу.

– Что, простите? – спросил я. – Я тут в наушниках...

– О, ничего-ничего, – замахал руками Седов. – Это я задумался, извините. Погода, говорю – льет и льет.

И он посмотрел на окна.

– Льет, – согласился я. – И всю неделю лить будет – обещают.

Седов развел руками.

– Что поделать, – вздохнул он. – И дождь – тоже ведь нужен...

– Нужен, – согласился я. – Вам, может быть, это... Кофе, чай?

– Нет-нет, спасибо, – замотал головой Седов. – Работайте, не буду отвлекать.

Я пожал плечами, вернул наушник на место, запустил фильм. Повозил по столешнице кружкой с остывшим кофе и осушил ее в несколько глотков.

Седов между тем открыл свою сумку, долго в ней шарил, а потом выудил какую-то книгу. Закинул ногу за ногу, устроился поудобнее, переложил из середины книги в конец, под корешок, цветастую закладку и стал читать.

Я прищурился незаметно и различил на обложке тиснёное – моргнуло, когда подвинул книгу, перелистывая, отразило бледный свет окон – «Бунин».

Различил и порадовался: не посадил еще зрение за компьютером, единичка, как и была.

Наблюдение за Седовым – за тем, как он закрывает многострадальную дверь – стало чем-то вроде традиционного развлечения. Гитарыч хлопал безопасника по плечу, спрашивал, не вышла ли «новая серия», безопасник лез проверять или сразу кивал с готовностью, довольный: есть.

– А вот, смотри-смотри! – хрипел Гитарыч, задыхаясь от смеха. – Тут даже с другой камеры видно, как ушел-то далеко! До остановки, наверное! А нет же, вернулся!

Вокруг Гитарыча складывался, хохоча, пополам весь технический отдел.

– Оторвет сейчас! Ну оторвет же ручку! – кричал, давась чаем, безопасник. – Или замок сломают нахрен, так я ему тогда вставлю по первое число!

– Да ты посмотри только, посмотри! – тряс мое кресло Гитарыч. – Это ж надо таким быть!

Я бросал взгляд на монитор и видел, как по черно-белому крыльцу топчется черно-белый Седов – дергает дверную ручку, смотрит на нее, приглаживая волосы – вспоминал одноклассника, которому даже учителя говорили, что у него с рук скоро кожа слезет, и качал головой неопределенно:

– Расстройство же... У нас вот один тоже...

– Да иди ты! – махал в сердцах рукой Гитарыч. – Если расстройство, пусть доктора ищет! Не видит он, что ли, что камера над ним висит!

И он обзывал Седова самое слабое «идиотом» – а там уж подбирал слово покрепче в зависимости от количества присутствующих на данный момент в офисе женщин.

– Пардон, – хлопал он себя по губам, натываясь на укориженный взгляд из бухгалтерии. – Но ведь по-другому не сказать! Не сказать же по-другому!

Смеяться над Седовым – все записи оставались храниться на сервере – заходили логисты, сотрудники соседних офисов, друзья безопасника из вневедомственной службы, заезжающие к нам с документами на подпись. Раз Гитарыч даже заманил исполнительного директора – но тот посмотрел рассеянно, оторвавшись на миг от планшета, хмыкнул для виду и ушел к себе.

Заведующая производством – в подчинении которой находились все работники цеха – о Седове ничего слышать не хотела.

– Нету у меня времени на ваши глупости, – бросала она Гитарычу, не вникая в то, что он ей говорит. – Наплевать мне, сколько он там что закрывает. Закрывает – и хорошо, лишь бы работал.

Работал Седов – как выходило из ее слов – нормально. Но вот исчезла необходимость держать такой штат, и его сократили.

Раз не сорвали со второго офиса юриста, обошлось, как я понял, без скандалов и недовольства.

Я смотрел фильм, а Седов все сидел и читал – читал и читал, приглаживая свободной рукой волосы. Когда он опускал руку, чтобы перелистнуть страницу, из-под рукава на запястье выскальзывала – я сперва решил, что это такой тоненький браслет – обыкновенная резинка, которой стягивают, например, деньги при инкассации. Потом читать Седову, видимо, надоело, потому что он прикрыл книгу, заложив ее пальцем, и снова стал оглядывать офис, останавливаясь то на окнах – а там все лило и лило, сыпало и сыпало, и листва танцевала по-прежнему, то открывая, то пряча светло-серые лоскуты, – то на кораблике на стойке секретаря.

Кораблик – в бутылке, с парусами и мачтами и ниточками канатов – привез из Португалии исполнительный директор. Долго думали, куда его в офисе пристроить – чай не магнетик, на холодильник не прилепишь – и решили водрузить секретарю на стойку, вроде как чтобы встречал проходящих, радовал глаз. Сейчас в изгибах бутылки – я видел из своего кресла, спасибо единичке – отражались, светясь, те же самые окна, с зеленью.

– Красивая вещь, – сказал Седов, и я услышал его, потому что остановил фильм, едва он открыл рот.

– Красивая, – согласился я. – Ручная работа вроде как.

Седов качнул головой восхищенно и продолжил рассматривать кораблик – даже шею вытянул. А потом – насмотревшись – раскрыл книгу и вернулся к чтению.

Я уже вовсю следил за фильмом – сумевшим меня все-таки не на шутку увлечь, до такой степени, что я не услышал, как щелкает, открываясь, замок.

Я только увидел, как вздрогнул и повернулся к двери Седов – а затем в офис ввалился, фыркая – фильм уже стоял на паузе – и отряхивая зонт, Гитарыч.

– Ты чего в темноте шкеришься? – усмехнулся он, посмотрев на меня, и потом только заметил, что на гостевом диванчике кто-то сидит.

– Здравствуйте, – поздоровался Седов и прикрыл книгу.

Гитарыч быстро обернулся на меня, показал взглядом на Седова – точно сообщал мне о его присутствии – подавил смехок и протянул:

– Здра-авствуйте.

– Руслан, – сообщил Седов. – Седов. Я в цеху работал...

– Да мы в курсе, – все-таки не удержался от смешка Гитарыч.

И снова обернулся на меня, заморгал весело, растянул рот в улыбке.

Потом он прошел к своему месту, встряхивая зонтом – на линолеум сыпались мелкие капли – и упал в кресло. Потом встал, раскрыл с хлопком зонт – капли полетели во все стороны – и пристроил его в углу, у стеллажа. Потом шагнул к выключателю, зажег свет – лампы под потолком заморгали, загудели, разогреваясь, окно погасло, листва за ним потемнела – и тогда только вернулся в свое кресло.

Во время своих перемещений он поглядывал то на Седова, то на меня, кивал мне, прятал улыбку, выдыхал озабоченно, нарочито шумно, чтобы не рассмеяться.

Седов поерзал на своем диванчике и открыл книгу. А Гитарыч продолжил подмигивать мне, кивать, качать головой на Седова и возить бровями туда-сюда. Время от времени он закрывал рот и вздыхал, или покашливал – потом брался за документы, листал один-два, скрипел по ним карандашом, но затем снова сверлил взглядом Седова, и лицо его ходуном ходило от избытка эмоций.

Я понял, что сейчас он что-нибудь брякнет – и с надеждой посмотрел на часы.

Обед заканчивался, вот-вот в офис должны были посыпаться довольные и сытые коллеги: бухгалтерия сладостей закупит, системный администратор приволочет какую-нибудь бандуру с проводами, потащит, царапая линолеум, в серверную...

– А я вот не помню, – задумчиво проговорил Гитарыч с серьезным лицом и тут же метнул на меня хитрый взгляд, – закры-ыл ли я дверь...

Седов – я видел – никак не отреагировал и продолжал читать.

– Надо бы прове-ерить, – протянул Гитарыч и встал, скрипнув креслом.

Он прошел через офис к двери – Седов только на миг поднял на него рассеянный взгляд и вернулся к книге – и дернул дверную ручку.

Мне показалось, что съеденный с таким удовольствием – пусть и в спешке ради фильма – обед, и не только обед, но и завтрак, и остывший кофе, и вчерашние суши, которые мы ели с Катей, – что все это просится наружу, спешит, клопоча, к горлу.

Но Седов не отреагировал – и продолжил читать.

Теперь, под работающими лампами, тиснение на обложке светилось безостановочно, точно само по себе.

Гитарыч – ненавистный мне сейчас до омерзения Гитарыч, раз на корпоративе ляпнувший, что ему в детстве вечно занятых родителей заменяла гитара, и тем самым заслуживший свое прозвище, которое разошлось по всем нашим офисам и цехам и о котором сам он знал, – фыркая в кулак, подмигивая мне, прошелся до своего места, уселся, поездил колесиками кресла, согнулся и на ощупь ткнул кнопку на системном блоке.

Седов читал, поглаживая волосы, листва за окнами все раскачивались и раскачивалась, раскачивалась и раскачивалась.

Первого человека, который вошел в офис – системный администратор втаскивал через порог обмотанную пленкой бандуру, придерживал схваченные скотчем провода, ворчал, что кто-нибудь мог бы ему да и помочь, – я был готов расцеловать.